

П. В. Рябов

ИСТОРИЯ

РУССКОГО НАРОДА И РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

с древнейших времён
до начала XX века

ТОМ I

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Прометей

Петр Владимирович Рябов

История русского народа

и российского государства.

С древнейших времен

до начала XX века. Том I

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20155838

История русского народа и российского государства (с древнейших времён до начала XX века) в 2-х томах. Том 1/ Рябов П.В.: Прометей;

Москва; 2015

ISBN 978-5-9906550-6-5

Аннотация

Книга историка и философа, кандидата философских наук, доцента П.В. Рябова в лаконичной, яркой и доступной форме излагает драматическую тысячелетнюю историю взаимоотношений российского государства и русского народа, описывает основные вехи, развилки и альтернативы истории. Изложение строится не столько как хронологически последовательный пересказ событий, дат и имён, сколько как исследование, основанное на проблемном принципе, фиксируя ключевые дискуссионные вопросы истории России от призвания варягов до начала XX века. Даётся авторская трактовка

главных процессов и противоречий истории, упущенных возможностей и историографических споров. «Норманнская проблема», борьба Москвы с Тверью и Литвой за гегемонию на Руси, последствия монгольского ига, оценка эпох Ивана IV и Петра I, проблема ускоренной модернизации России, генезис и последствия крепостного права и церковного раскола, столкновение государственного деспотизма и народной вольницы, взаимосвязь повторяющихся реформ и контрреформ в самодержавной империи, феномен русской интеллигенции и истоки революционного движения – вот некоторые важнейшие темы, стоящие в центре исследования П.В. Рябова.

Книга предназначена для старшеклассников, студентов и всех читателей, интересующихся российской историей.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

I	6
Географические факторы в русской истории	18
«Норманнский вопрос» в исторической науке	25
Что означает слово «Русь»?	30
II	32
Русь и Византия	51
Рабство и социальная природа Киевской Руси	57
III	60
3.1. «Каждый да держит отчину свою»	60
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Пётр Владимирович Рябов
История русского народа
и российского государства
(с древнейших времен
до начала XX века)
в двух томах. Том 1

© Издательство «Прометей», 2015 г.

* * *

I

«Откуда есть пошла русская земля?» (Происхождение Руси: IX – начало X веков)

Всякое начало в истории – лишь условность, символ, знак. Ведь ему что-то обязательно предшествовало. Как точно определить начало народа или государства? Что считать отправной точкой? Народ складывается постепенно из каких-то предыдущих народов и племен, и не всегда грани между ними достаточно определены и резки. А государство является наследником и преемником других государств (и нелепы все споры о том, кто «изначально» владел той или иной территорией – так можно дойти до Адама). Поэтому вопрос о начале Руси – сложен и неоднозначен. Ведь в истории всё – впервые, и всё уже когда-то было и случалось.

По-видимому, в начале была река. Эллины называли ее Борисфен, а позднее она получила название Днепр. Именно вокруг этой реки стала складываться древнерусская народность и возникло государство Киевская Русь. Около VIII века н. э. на Днепр с Дуная и Карпат пришли славяне. Они начали селиться вокруг Днепра, строить посёлки и городки. И с него они продолжили постепенное неуклонное движение

на север и северо-восток в течение последующих столетий.

Почему значение Днепра так велико для первых веков истории Руси? (Знаменитый историк В.О. Ключевский даже называл этот период истории Руси «Русью днепровской»). Дело в том, что в IX – X веках эта река была важнейшей частью великого торгового пути «из варягов в греки» – то есть от северных морей до Византийской империи, от Балтики до Средиземноморья, связывая регионы, которые бурно развивались в эту эпоху. Финский залив, река Нева, Ладожское озеро, река Волхов, озеро Ильмень, череда небольших речек и «волоков» и, наконец, Днепр (от истока до устья) и Чёрное море – таков этот знаменитый путь, по которому осуществлялась торговля восточноевропейских племён и народов. В Византию по этому пути везли меха, воск, мёд, рабов, плыли отряды наёмников-викингов (на службу к императору), а из Византии везли украшения, ткани, дорогие вина и предметы роскоши. По словам современного исследователя Б. Кагарлицкого, путь «из варяг в греки» «соединяет Европу в единое целое. По этим торговым путям с юга на север движутся не только товары, по ним же распространяются цивилизация, христианство, ремесленные технологии».

Естественно, вдоль этого пути возникали опорные пункты купцов, перевалочные базы, склады, разбойничьи пристанища (ибо купцы нередко были одновременно разбойниками и грабили местное население, заставляя его откупаться рабами и мехами), города (и среди них Смоленск, Киев и другие).

Поэтому очень рано возникла потребность в его защите от степных кочевников. Помимо воинственных купцов и воинов – викингов, на великом речном пути торговали и более мирные армяне, арабы и евреи, заинтересованные в защите торговой артерии. Долгое время такую защиту осуществляло могучее государство тюркоязычного народа хазар – Хазарский каганат, раскинувшийся в низовьях Дона и Волги и наложивший на днепровских славян не слишком обременительную дань. Хазары построили много крепостей и больших городов, которые были населены еврейскими и арабскими купцами. Каганат прикрывал славян и путь из варяг в греки от ударов из степей Востока. Однако в конце IX – начале X века под натиском диких кочевников-печенегов хазарское государство ослабело и не могло быть защитой славянским племенам.

Теперь роль защитников торгового пути и одновременно новых властителей взяли на себя викинги, которых на Руси называли «варягами». Не случайно IX–XI века в Европе именуют «эпохой викингов». Воинственные люди с севера, прекрасные мореходы, ловкие купцы и бесшабашные авантюристы, вышедшие со скудных берегов Скандинавии, опустошали в те века всю Европу (и даже доплыли до Америки). Викинги не ограничивались единичными набегами, но покоряли целые народы и основывали повсюду свои королевства и герцогства. Так возникло Нормандское герцогство, впоследствии подчинившее Англию, и Королевство обеих

Сицилий на юге Европы.

В середине IX века дракары – боевые корабли норманнов – появились и на севере земель, населённых славянами. Путь из варягов в греки манил их, а сам этот богатый край они называли в своих сагах «Гардарикой» – страной городов. Так, конунг (предводитель) викингов Рогволд основал своё княжество в Полоцке, а Рюрик (Рёрик, как его называли на Западе) в 862 году появился в Новгороде – центре ильменских славян. По-видимому, сначала он был приглашён славянскими племенами, как наёмный предводитель воинского отряда и третейский судья в межплеменных конфликтах, а со временем расширил свои властные полномочия. Этот год – 862 – с которым древнерусская летопись связывает «призвание варягов» на Русь, и стал условной датой отсчета русской истории. (В 1862 году в России помпезно отметили тысячелетие этого события, а в Новгороде даже поставили памятник «тысячелетию Руси»). «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Придите и владейте нами», – будто бы говорили славянские послы приглашаемым варягам во главе с Рюриком, Очень быстро довольно заурядное по тем временам событие (то ли наём жителями вооружённой дружины, то ли захват викингами власти над Новгородом) превратилось в красивую легенду, ставшую позднее камнем преткновения для многих историков.

Викинги, однако, недолго сидели в Новгороде. То ли новгородцы вели себя не вполне покорно, то ли жажда приключо-

чений и богатства толкала неуёмных варягов на юг. И вот в 882 году новый конунг Хельги (на Руси его называли «великим Олегом», а позднее воспел в известном стихотворении А.С. Пушкин) захватил город Киев и установил контроль над всем торговым путем. Окрестные союзы племён восточных славян: древляне, поляне, радимичи и другие (у них уже появились свои городки, князья и старейшины) охотно признали власть отважных северных пришельцев. Теперь они платили дань не ослабевшему каганату хазар, а викингам Олега. Впрочем, дань была небольшой, скорее напоминающая плату за военные услуги, а во внутренние дела славянских племен викинги не вмешивались. За умеренную плату Олег обязался охранять славян от степных набегов.

Другим важнейшим делом нового князя была организация охраны торговых караванов в Византию. Весной в Киеве собирались купцы со своим товаром и под варяжским конвоем отправлялись в Константинополь (славяне благоговейно называли его Царьградом). Чтобы обеспечить безопасность и торговые привилегии купцов, время от времени устраивались набеги на Константинополь. Например, знаменитый поход Олега в 907 году, когда, по легенде, в знак победы над византийцами князь Хельги прибил свой щит на ворота Царьграда, или поход в 943 году, при князе Ингваре (Игоре Старом). Итогом удачных походов были выплаты контрибуции со стороны империи и военно-торговые договоры между Византией и Русью (так стали называть славяне сначала

норманнское племя, пришедшее с Рюриком, а потом и всех представителей правящего слоя завоевателей; в X веке уже появилось понятие «русская земля», то есть родовое владение князей-викингов из рода Рюриковичей).

Если весной и летом варяги конвоировали купеческие караваны и совершали военные походы, то зимой князь объезжал подвластные ему племена и собирал дань. Такая поездка по завоёванным и охраняемым землям называлась «полюдье». Часть же дани сами славяне отвозили Руси в Киев, ставший центром складывающегося государственного образования. Такая форма дани называлась «повоз». Когда князь проявлял чрезмерный аппетит и требовал дань выше привычной, он мог поплатиться за это жизнью. Именно это и случилось с сыном Рюрика и преемником Хельги (Олега) норманнским конунгом Ингваром (Игорем Старым) в 945 году. Когда он, один раз собрав дань с племён древлян, попытался это сделать вторично, древляне перебили его отряд, а самого князя казнили жестокой смертью – привязав к двум согнутым деревьям и отпустив их. Вдова Ингвара Хельга (Ольга) беспощадно отомстила убийцам мужа и сожгла столицу древлян город Искоростень, перебив его жителей. Однако затем она провела реформу (вероятно, первую реформу в истории Руси, вызванную первым народным восстанием) и, учтя сопротивление населения чрезмерным поборам, установила фиксированные размеры дани (уроки) и места их сбора (погосты).

Сын Ингвара и Хельги конунг Святослав (Святослейв) был «образцовым» викингом – вечным бродягой и авантюристом. Всю свою недолгую жизнь он, ища славы и добычи, провел в военных походах, по рыцарски посылая врагам вызов: «иду на вы». Святослав покорил вятичей, разбил волжских булгар, добил совсем ослабевший Хазарский каганат (открыв этим степи Причерноморья для вторжения печенегов) и ввязался в долгую борьбу на Балканах – сперва на стороне византийцев против балканских болгар, а затем против Византии за овладение дунайской Болгарией. Пренебрегая интересами киевлян и бросив их перед лицом печенежской угрозы, он даже намеревался перенести свою ставку из Киева на Дунай, в городок Переяславец. Однако, в борьбе с Византией за военно-политический контроль над торговыми путями, Святослав потерпел сокрушительное поражение под городом Доростолом и вскоре, возвращаясь в Киев, был убит печенегами.

Если первые князья Киевской Руси были обычными викингими и воспринимали свое княжество как перевалочный пункт для торговли, военную базу и место для извлечения дани, то очень скоро (спустя столетие) и сами князья и их окружение из числа норманнов клана Руси ославянились и стали воспринимать себя как постоянных обитателей нового государства, ответственных за его судьбу и обосновавшихся в нём всерьёз и надолго. В течение века – от Рюрика до Святослава – сложился очаг древнерусской народности, во-

круг которого объединились все славянские племена, жившие возле пути «из варягов в греки» и заинтересованные в защите от набегов извне и в стабильном функционировании этой торговой артерии.

Власть князя отнюдь не была абсолютной – она ограничивалась и волей его дружины (которая была связана с ним договором и легко могла отказать ему в поддержке), и сохранившимся у восточных славян местным самоуправлением (вечем – сходом всех свободных общинников, народным ополчением («тысячей») и «старцами градскими» – старейшинами племён), и традицией, регламентировавшей размер дани и круг полномочий князя. Киевскую Русь конца IX – начала X веков трудно назвать «государством» в нынешнем понимании слова, а князя следует, скорее, рассматривать просто как наёмного военного предводителя, обеспечивающего безопасность на торговых путях и организующего грабительские набеги на Царьград и взамен получающего плату-дань, чем как монарха. Население в целом оставалось лично свободным, хотя существовали и рабы – пленники, захваченные на войне. Новое образование представляло собой конгломерат общин, племён и городов, объединённых вокруг пути «из варягов в греки» и вокруг князя-викинга и его норманнской дружины.

Говоря о восточных славянах как основном этносе, положившем начало формированию древнерусской народности (с некоторой примесью варяжского элемента), следует упо-

мянуть и о других народах, живших на восточноевропейской равнине и либо бывших соседями восточных славян, либо племенами, ассимилированными ими. По словам величайшего русского историка В.О. Ключевского, «история России – это история страны, которая колонизируется». Огромные территории, малочисленность населения, особенности ведения восточными славянами хозяйства («подсечно-огневое земледелие», при котором лес выжигался, зола использовалась как удобрение, а через несколько лет, когда земля неизбежно истощалась от такого варварского обращения и переставала давать урожай, славяне переходили на новое место) – всё это вело к непрерывным миграциям, которые определяют собой всю историю Руси на протяжении тысячи лет. Колонизация, непрерывное расширение и освоение новых земель во многом определило характер русской истории: экстенсивный (а не интенсивный) характер экономики, многовековую острую нехватку рабочих рук при избытке земли, ассимиляцию русскими других местных народов.

В своих перемещениях восточные славяне встретились с балтскими, иранскими и, преимущественно, угро-финскими племенами. Поскольку земли хватало всем, племена эти были отнюдь не воинственны, а славяне продвигались вперед постепенно, просачиваясь на новые земли, эти контакты, как правило, приводили не к военным столкновениям, а, напротив, к ассимиляции славянами местных жителей. В то время как часть славян от Дуная и Карпат устремилась на юг

– на Балканы, во владения Византии, другая часть с VIII века неуклонно двигалась на север и северо-восток, в сторону глухих лесов и болот восточноевропейской равнины, достигнув сначала Днепра, затем (в XI–XII вв.) Оки и Волги, а позднее (к XV веку) – Урала и Белого моря. Угро-финские племена: меря, весь и мурома (славяне называли их общим именем «чудь») постепенно растворились в славянском населении, оставив после себя множество топонимов (географических названий). Так, река «Ока» по-фински означает «река», а слово «ва» (по фински – вода) стало частью названий многих рек (Москва, Протва). Повлияли угро-финны и на антропологический тип внешности восточных славян, на их говор и на религиозные представления (культ лешего и водяного у славян впитал в себя многие мотивы угро-финских культов).

Итак, если угро-финны в течение пяти-семи столетий были ассимилированы славянами, то викинги (варяги), завоевав их, составили военно-политическую элиту складывающегося государства (в котором они также ассимилировались в течение полутора столетий).

Кроме варягов (викингов) и Византийской империи – великой наследницы античной культуры и оплота восточного (православного) христианства, бывшей в то время наиболее цивилизованной частью Европы, среди соседей Руси следует назвать болгар. Некогда кочевой тюркский народ, болгары разделились на части. Одна из них проникла на Балканы

и ассимилировалась местным славянским населением, основав Болгарское царство на Дунае, принявшее православие и ставшее передаточным звеном византийской книжности и культуры на более дикую и варварскую Киевскую Русь. Другая часть болгар приняла ислам и основала Волжскую Булгарию – процветающее купеческое государство в районе средней Волги и Камы. Важнейшим соседом Руси после гибели Хазарского государства в середине X века стали новые кочевые племена, которые поочередно выкатывались из далеких восточных просторов в причерноморские степи. В X–XI веках – печенег, а позднее (в XI–XIII веках) – половцы (кипчаки) регулярно совершали набеги на своих оседлых соседей. Два типа хозяйства, два типа культуры: Степь и Лес – не могли мирно уживаться рядом, поочередно тесня друг друга.

Таким образом, возникнув для обеспечения стабильности на пути «из варягов в греки», на перекрестке между исламским и христианским миром (а ведь были еще иудеи-хазары и язычники: славяне, финны и балты), древнерусская народность, вобравшая в себя славянский, норманнский, угро-финский, балтский, иранский и тюркский элементы, в свою очередь, позже дала начало трем народам: великороссам, малороссам (украинцам) и белорусам. Сегодня историки ожесточенно спорят: считать ли Киевскую Русь прото-русским или прото-украинским государственным образованием (ведь, с одной стороны, – «Киевская», а, с другой стороны, – «Русь»). Вероятно, этот, во многом политизиро-

ванный и конъюнктурный, спор бессмысленен и нелеп, тогда как истина состоит в том, что и великороссы (русские), и украинцы, и белорусы сложились как народности лишь через три-четыре столетия после распада Киевском Руси.

Географические факторы в русской истории

Природа страны всегда оказывает огромное воздействие на особенности её исторического развития. Что в этой связи можно сказать о Руси (России)?

Для восточноевропейской равнины характерны суровый континентальный климат, не слишком плодородные почвы (кроме южной степной зоны чернозема), долгая зима и короткое лето (то есть чрезвычайно короткий период сельскохозяйственных работ – 120–130 дней в году, тогда как в Западной Европе – 250 дней). По словам известного американского историка Ричарда Пайпса: «Производительность российского сельского хозяйства... была самой низкой в Европе». Все эти условия превращали данную территорию в зону рискованного земледелия и способствовали прочным формам коллективной жизни, совместного (общинного) выживания: прожить в одиночку здесь было почти невозможно. Отсюда – коллективистская общинная психология, крепкое «чувство локтя», изначально характерные для русского народа.

Русские дополняли скудные продукты земледелия при помощи бортничества (сбора мёда), рыболовства, охоты и различных промыслов. С другой стороны, обилие земли и недостаток населения вели к экстенсивным формам ведения хо-

зяйства, способствовали не интенсификации земледелия, а небрежному отношению к земле и постоянным миграциям. То, что долгое время земли хватало всем, способствовало, вероятно, известной «широте души» и «всемирной отзывчивости» (по Достоевскому) русского человека, амортизировало конфликты русского населения с другими племенами, смягчая их взаимоотношения и способствуя слиянию племен. Русский человек напрягал все силы на короткий период сельскохозяйственных работ, но при этом не был тщателен и аккуратен в работе, легко «истощал землю», переходя затем дальше. Низкая урожайность, отсутствие излишков продуктов и тенденция населения к «убеганию», вели к тому, что усиливающееся государство стремилось изъять у людей всё, что можно (на содержание войска и чиновников) и закрепить работников за землей, запретив им переселяться. Так, много позднее возникло крепостное право, а бегство от властей стало самой распространенной на Руси формой борьбы населения с государством и правящими классами. Еще одним следствием низкой урожайности было слабое развитие рыночных отношений и долгое господство натурального хозяйства – ведь излишков продуктов на продажу было немного. Обилие же лесов, богатых пушным зверем, надолго сделало Русь европейским поставщиком «сырья»: мехов и леса, мёда и воска.

В русском хозяйстве веками существовал заколдованный круг, так описанный Ричардом Пайпсом: «Неблагоприятные

природные условия привели к низким урожаям; низкие урожаи породили нищету; из-за нищеты не было покупателей на сельскохозяйственные продукты; нехватка покупателей не позволяла поднять урожайность».

Важным географическим фактором русской истории было обилие рек, пронизывающих Русь с севера на юг (а их притоки порой текли с востока на запад). Именно реки, снабжая поля водой, а жителей – рыбой, стали главными торговыми артериями страны и в условиях бездорожья связывали различные регионы воедино. Именно вокруг пути «из варягов в греки» возникло древнерусское государство. Именно вдоль рек росли города и посёлки. Днепр, Ока, Волга заменяли на Руси развитую сеть дорог, а речной транспорт до середины XIX века оставался главным. По словам Р. Пайпса: «Россия обладает единственной в своём роде сетью судоходных водных путей, состоящую из больших рек с их многочисленными притоками, соединяющихся между собой удобными волоками. Пользуясь даже примитивными средствами транспорта, можно проплыть через Россию от Балтийского моря до Каспийского». При этом отдаленность от морей и морской торговли сыграла свою решающую роль в культурной и социально-экономической отсталости и обособленности страны. В XV–XVI веках, когда начала формироваться мировая экономическая система, Русь была задвинута на задворки евразийского континента и не имела доступа ни к Чёрному, ни к Балтийскому морям.

Равнинность, отсутствие гор, ограждающих страну от внешних вторжений, привели к тому, что Русь было трудно защищать, но на нее было легко нападать. Когда же Русь объединилась, на содержание мощного государства и армии, способной защищать такую огромную (и малонаселенную) территорию от внешних врагов, приходилось тратить все ресурсы страны в условиях сурового климата и невысокой урожайности. А это, в свою очередь, способствовало становлению чудовищно авторитарного политического режима и крепостного права, формированию империи, начавшей ожесточенную многовековую борьбу за выход к морям и преодоление экономической и культурной отсталости. Теперь отсутствие внешних природных границ способствовало неограниченной военной экспансии империи, в итоге ставшей крупнейшим государством в мире.

Наконец, положение Руси между Востоком и Западом, между исламским и христианским миром, между феодальной Европой и режимами азиатского деспотизма, обусловило своеобразие её исторического пути, его зигзагообразный, циклический и «пёстрый» характер. Анализируя роль природных факторов и их влияние на русскую историю, современный исследователь Л.В. Милов пишет: «В течение, по крайней мере, четырех столетий русский крестьянин находился в ситуации, когда худородные почвы требовали тщательной обработки, а времени на неё у него просто не хватало, как и на заготовку кормов для скота... Находясь в

столь жёстком цейтноте, пользуясь довольно примитивными орудиями, крестьянин мог лишь с минимальной интенсивностью обработать свою пашню, и его жизнь чаще всего напрямую зависела от плодородия почвы и капризов погоды. Реально же при данном бюджете рабочего времени качество его земледелия было таким, что он не всегда мог вернуть в урожай даже семена... Практически это означало для крестьянина неизбежность труда буквально без сна и отдыха, труда днем и ночью, с использованием всех резервов семьи (труда детей и стариков, на мужских работах женщин и т. д.). Крестьянину на западе Европы ни в средневековье, ни в новом времени такого напряжения сил не требовалось, ибо сезон работ был там гораздо дольше...» По словам Л.В. Милова, из-за низкого объема совокупного продукта в обществе господствующий класс создавал «жёсткие рычаги государственного механизма, направленные на изъятие той доли совокупного прибавочного продукта, которая шла на потребности самого государства, господствующего класса, общества в целом. Именно отсюда идет московская традиция деспотической власти российского самодержца, отсюда идут в конечном счете и истоки режима крепостного права в России... Многовековой опыт общинного сожительства крестьян-земледельцев помимо чисто производственных функций выработал целый комплекс мер для подъёма хозяйств, по тем или иным причинам впавших в разорение. Земельные переделы и поравнение, различного рода крестьянские

«помочи» сохранились в России... вплоть до коллективизации... Фундаментальные особенности ведения крестьянского хозяйства в конечном счете наложили неизгладимый отпечаток на русский национальный характер. Прежде всего речь идет о способности русского человека к крайнему напряжению сил, концентрации на сравнительно продолжительный период времени всей своей физической и духовной потенции. Вместе с тем вечный дефицит времени, веками отсутствующая корреляция между качеством земледельческих работ и урожайностью хлеба не выработали в нём ярко выраженную привычку к тщательности, аккуратности в работе и т. п. Экстенсивный характер земледелия, его рискованность сыграли немалую роль в выработке в русском человеке лёгкости к перемене мест, извечной тяге к «подрайской земле», к «беловодью» и т. п., чему не в последнюю очередь обязана Россия её огромной территорией, и в то же время умножали в нем тягу к традиционализму, укоренению привычек... С другой стороны, тяжкие условия труда, сила общинных традиций... дали почву для развития у русского человека необыкновенного чувства доброты, коллективизма, готовности к помощи, вплоть до самопожертвования. Именно эта ситуация во многом способствовала становлению в среде «слуг общества», того типа работника умственного труда, который известен как тип «русского интеллигента»».

А Р. Пайпс так подытоживает влияние географических

факторов на социальную историю России и психологию русских людей: «В России вся идея была в том, чтобы выжать из земли как можно больше, вложив в неё как можно меньше времени, труда и средств. Всякий россиянин стремился отвязаться от земли: крестьянину больше всего хотелось бросить пашню и сделаться коробейником, ремесленником или ростовщиком; деревенскому купцу – пробиться в дворяне; дворянину – перебраться в город или сделать карьеру на правительственной службе. Общеизвестная «безродность» русских, отсутствие у них корней, их «бродяжьи» наклонности, в основном проистекали из скверного состояния русского земледелия, то есть неспособности главного источника национального богатства – земли – обеспечить приличное существование».

«Норманнский вопрос» в исторической науке

Как только в России стала складываться историческая наука, в центре ее внимания оказался вопрос о происхождении древнерусского государства. Как сообщала летопись, важнейшую роль в этом процессе сыграли «варяги». Именно варяжская дружина, захватившая сначала Новгород, а потом и Киев, стала основой правящей элиты в возникшем территориальном объединении, привнесла в его развитие динамизм и стала организатором ряда военных походов и торговых караванов в Византию. Именно варягом был легендарный Рюрик, чьи потомки семь столетий правили Русью. Но кто такие варяги?

Едва этот вопрос о происхождении государства, его правящего слоя и династии, был поставлен, в русской исторической науке начались ожесточённые и горячие споры, которые продолжаются и по сей день – уже почти три столетия, и конца которым не видно. Эта дискуссионная тема получила название «норманнской проблемы», и почти все крупные историки России XVIII–XX веков так или иначе вынуждены были определять свое отношение к ней. Причем следует подчеркнуть, что споры по этой проблеме – как всё, что касается проблемы этногенеза (очень деликатной и задевающей национальные чувства), никогда не носили чисто академи-

ческого характера, но всегда были напрямую связаны с политической ситуацией и «злобой дня». Оппоненты, не ограничиваясь научными доводами, нередко навешивали на своих противников «ярлычки», например, «антипатриотов» (в СССР – «антисоветчиков») и т. д.

Первыми историками, поднявшими «норманнскую проблему», были немецкие историки, приехавшие в Россию в эпоху Петра I и вскоре после неё: Готлиб Зигфрид Байер (1694–1738), Герард Фридрих Миллер (1705–1783) и Август Людвиг Шлёцер (1735–1809). Добросовестно и основательно исследовав русские летописи, они пришли к выводу, что варяги, основавшие древнерусское государство, были не кем иным, как викингами (норманнами, скандинавами) – отсюда и «норманнская теория», «норманнская проблема», «норманнский вопрос». Однако против подобной точки зрения выступил Михаил Васильевич Ломоносов, обвинив оппонентов в нелюбви к России и в «непатриотизме» (что же это, славяне сами не могли создать своё государство без помощи каких-то иноземцев?!). Его страстное выступление против «норманистов» совпало с эпохой императрицы Елизаветы Петровны, когда было принято ругать все «немецкое» (свежа в памяти ещё была «бироновщина» времён Анны Иоанновны). Так началась знаменитая дискуссия между «норманистами» и «антинорманистами».

Если в XVIII–XIX веках в центре внимания стоял вопрос о происхождении правящей в древней Руси *династии*

(ибо считалось, что «история народов принадлежит государям» (Н.М. Карамзин)), то в XX веке вопрос был поставлен иначе: какую роль в создании киевского государства сыграли местные и пришлые элементы, насколько этот процесс был органичным и естественным. Подавляющая часть серьезных историков XVIII–XIX веков относились к лагерю «норманистов» (то есть отождествляли варягов и норманнов): Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В. О. Ключевский. В доказательство своей позиции они ссылались и на явно скандинавские имена варягов (Карл, Хельги, Хельга, Ингвар, Яруслейв), и на многочисленные зарубежные источники (так, например, византийский император Константин Багрянородный (X век) в своём трактате «Об управлении империей» приводил названия днепровских порогов «по-славянски и по-русски» – и «русские» названия порогов явно оказывались скандинавскими), и на распространение королевств викингов по всей Европе IX–XI веков. Напрасно! Никакие веские научные аргументы не могли убедить их оппонентов, считавших задетым своё национальное самолюбие.

Лагерь противников «норманистов» – «антинорманистов» был также довольно многочисленным и пёстрым (к нему принадлежали, например, историки С.А. Гedeонов, Д.И. Иловайский, Н.И. Костомаров). Антинорманисты традиционно обвиняли своих оппонентов в «нелюбви к России», «антипатриотизме» и отрицали отождествление загадочных варягов с норманнами.

Однако в ответе на вопрос: кем были варяги? – антинорманисты расходились, предлагая множество различных причудливых версий, одна другой фантастичнее (от аланов и сарматов до поморских славян и неведомых «ругов»).

В советское время (с 30-х годов XX века) проблема была «решена» просто: норманизм был объявлен враждебным «буржуазным» и «антисоветским» учением, а его приверженцы репрессированы (ибо его взяли на вооружение, в частности, немецкие нацисты, отрицавшие способность «отсталых» славян к самостоятельному государственному строительству без «нордической помощи»). Так норманизм надолго пал жертвой идеологической борьбы, безразличной к научной истине. Советским историкам было «положено» исповедовать воинствующий антинорманизм, не взирая ни на какие факты и доводы. Крупнейшим глашатаем советского антинорманизма был академик Борис Александрович Рыбаков, доведший «критику» «норманизма» до карикатурных и абсурдных форм (он «находил» древнерусское государство ещё за несколько столетий до Рюрика, а ненавистное слово «варяг» выводил из... слова «орангутанг» и отрицал само наличие пути «из варягов в греки», объявляя его «вымыслом» норманистов).

Однако исследования ряда советских археологов в 1970—1980-е годы в городище Гнёздово под Смоленском вновь оживили норманизм и придали ему новый мощный импульс. Были найдены многочисленные предметы явно скандинав-

ского происхождения (мечи викингов, ритуальные «молоточки Тора»), свидетельствующие о массовом проникновении викингов на славянские земли в IX–X веках и о том, что норманны составляли весьма значительную часть населения этих территорий. Сегодня – после некоторого ослабления идеологической цензуры и краха СССР – норманизм уверенно вернул себе доминирующее положение в серьёзной исторической науке, однако споры его приверженцев и противников всё ещё иногда продолжаются.

Что означает слово «Русь»?

Вопрос о происхождении слова «Русь» тесно связан с «норманнской проблемой» и даже является её важной составной частью. Естественно, что норманисты и антинорманисты решают его по-разному.

Ссылаясь на то, что автор «Повести временных лет» всё время ставит слово «Русь» рядом с варягами Рюрика, норманисты полагают, что это слово происходит от финского «ру-отси» – «гребцы» (так финны называли шведов). А словосочетание «русская земля», устойчиво сформировавшееся к концу X века, означает, по этой версии, землю, подвластную викингам из рода Рюрика, то есть «народу русов», завоевавшему славян.

Антинорманисты выдвинули множество альтернативных версий происхождения слова «Русь». Здесь и славянские племена «прусов», обитавшие на южном побережье Балтийского моря и позднее истреблённые германцами (некоторые антинорманисты склонны именно их – пруссов, считать летописными «варягами»). Здесь и «роксаланы» («красные аланы») – племена кочевников, населявшие в первые века нашей эры Причерноморье и Кавказ. Есть и теория, выводящая слово «росичи» от реки Роси, впадающей в Днепр (так, по версии Б.А. Рыбакова, росичами называлось одно из славянских племен, положившее начало Киевской державе, хо-

тя другим историкам о существовании подобного племени ничего не известно). В любом случае, на протяжении многих веков – с X по XVI – существовало именно понятие «Русь», «земля русская», тогда как слово «Россия» возникло уже в более поздний исторический период.

II

Русь Киевская (Вторая половина X–XI века)

Расцвет Киевской Руси приходится на последнюю четверть X – первую половину XI веков – время правления двух прославленных князей: Владимира I Святого (на скандинавском – Вальдемара, также известного по былинам, как Владимир Красное Солнышко, 980—1015 гг.) и его сына Ярослава Мудрого (на скандинавском – Ярислейва – 1019—1054 гг.).

В эти годы происходят важнейшие события, на многие века определившие своеобразие русской цивилизации, повлиявшие на ход русской истории и окончательно сплотившие пёстрые союзы племен в древнерусскую народность: принимаются первые писанные законы, начинается чеканка собственной монеты (правда, не для нужд торговли, а из соображений престижа власти князя), наконец, происходит выбор новой религии. Впрочем, степень монолитности, единства и прочности Киевской Руси не стоит преувеличивать. Огромную «империю Рюриковичей», возникшую на самом крайнем востоке Европы, нередко сравнивают с другим государственным образованием раннего средневековья, существовавшим на западе Европы в VIII–IX веках, столь же зна-

чительным и неустойчивым и вскоре также рассыпавшимся на множество частей – империей Карла Великого и его потомков – Каролингов. Расцвет днепровской торговли и необходимость обороны от южных кочевников на недолгое время укрепили Киевскую Русь. По словам Б. Кагарлицкого, Русь «как государство возникло из транзитного пути» и «Русь возникла именно как место встречи византийцев с норманнами».

Однако уже в XII веке магистральные торговые пути были перенесены генуэзцами и венецианцами из Чёрного моря в Средиземное, путь «из варягов в греки» пришел в упадок, а набеги кочевников на время прекратились, отраженные киевскими князьями, – и Киевская Русь рассыпалась на несколько враждующих княжеств. Да и в течение указанного (стоletнего) промежутка времени каждая смена правителя приводила к временному распаду страны, ожесточенной войне на уничтожение между его сыновьями и столкновению двух столиц страны, северной и южной: Новгорода и Киева, обычно заканчивающемуся победой севера над югом. Так случилось в 70-е годы X века, после смерти Святослава, когда сперва его сын Ярополк, убив своего брата Олега, захватил Киев и попытался силой насадить христианство, а затем его брат Владимир (незаконнорожденный сын Святослава от рабыни), опираясь на помощь варягов и новгородцев, в свою очередь, убил Ярополка и овладел Киевом под знаменем языческой реставрации. (Правда, языческая реформа

Владимира, попытавшегося создать унифицированный общегосударственный пантеон славянских божеств, провалилась, и прагматичный князь, сделав то, за что он убил своего брата, скоро обратился к христианству, как новой основе государственного единства и опоре своей власти.)

Всё это повторилось и после смерти самого Владимира, когда последовала жестокая борьба за власть уже между его сыновьями в 1015–1019 годах. В ходе борьбы князей жертвами этой междоусобицы пали, в частности, князья Борис и Глеб, убитые своим братом Святополком (по другой версии – Ярославом) и ставшие первыми русскими святыми. Святополк, опираясь на военную помощь печенегов и поляков, несколько лет с переменным успехом удерживал киевский престол, сопротивляясь своему брату Ярославу, которого поддерживали отряды варягов (викингов) и новгородцев. Но и победив Святополка (получившего позднее с лёгкой руки победителей «почётное прозвище» – «Окаянный») и завладев наконец Киевом, Ярослав столкнулся с ещё одним своим братом, могучим князем-воителем – Мстиславом Черниговским – и опять последовала ожесточенная борьба за контроль над Русью, её раздел (окончательно вся Киевская Русь ненадолго объединилась под властью Ярослава лишь после смерти Мстислава).

Однако, несмотря на эти периоды распада страны и острых междоусобных столкновений, эпоха Владимира и Ярослава – энергичных и талантливых правителей, (пусть и бра-

тоубийц), долго правивших в Киеве и осуществивших важные реформы, – осталась в исторической памяти народа как «золотой век» Киевской державы, век относительной стабильности и расцвета.

Не будет преувеличением сказать, что в эту эпоху Русь в социальном, культурном и политическом отношении была органической частью Европы – не отсталой, дикой, враждебной, неведомой и изолированной (как впоследствии), а, скорее, цветущей и далеко опережающей другие народы и регионы. (Параллельно с Киевской Русью и даже с некоторым отставанием от неё в X веке появляются другие славянские государства в Восточной Европе – королевства Богемия и Польша.) Крещение ввело Русь в семью европейских народов, приобщило к византийскому и античному духовному наследию, сняло перегородки для дипломатических и династических контактов. Русские князья в это время породнились с влиятельнейшими европейскими монархами. Так, сын Ярослава Мудрого Всеволод был женат на византийской царевне, другой сын Изяслав – на сестре польского короля, дочь Ярослава Анна стала королевой Франции, а сам Ярослав, потомок викингов и вождь норманнской наёмной дружины, был женат на шведской принцессе, тогда как две другие его дочери стали королевами Венгрии и Норвегии, а внучка – женой германского императора. А знаменитый внук Ярослава Мудрого, князь Владимир Мономах был мужем принцессы Гиты – дочери Гаральда Храброго, послед-

него саксонского короля Англии, героически павшего в 1066 году в битве с нормандцами Вильгельма Завоевателя.

Расцвет городов и ремёсел (в Киевской Руси насчитывалось свыше пятидесяти ремесленных профессий, большинство из которых исчезло после монгольского нашествия), довольно высокий уровень грамотности, развитие каменного храмового строительства и иконописи, появление прекрасного зодчества и фресковой живописи, европейские по сути социальные отношения и институты (городское самоуправление – вече, бояре (аналог западных баронов), князья (подобные европейским герцогам), дружина, связанная с князем отношениями не подданства, но вассалитета (взаимного договора)) – всё это говорит о высочайшем социальном, политическом и культурном развитии Киевской Руси, ещё вчера дикого закоулка варварского мира, вдруг вставшего вровень с европейскими странами.

Важнейшим событием этого периода является начало христианизации Руси. Дата, с которой традиционно связывается крещение при князе Владимире – 988 год – довольно условна. Ведь христиане и церкви (прежде всего, среди купцов и наёмников-норманнов) появились на Руси задолго до Владимира. Христианами были его бабушка княгиня Хельга (Ольга) и предательски убитый им брат Ярополк. Вызванное политическими причинами – желанием встать вровень с другим «цивилизованными» народами, укрепить единство страны и получить сакральное обоснование княжеской вла-

сти – крещение в 988 году, пришедшее на Русь из Византии по инициативе Владимира, явилось не началом, но и, тем паче, не концом долгого процесса христианизации, растянувшегося на шесть-семь столетий.

Если киевляне, по приказу князя загнанные дружинниками в Днепр и скопом крещёные там, легко отказались от своих старых богов и идолов, то в Новгороде произошло народное восстание против насильственной христианизации. «Добрыня крестил Новгород огнем, а Путята – мечом» – это крылатое выражение, оставшееся в народной памяти и дошедшее до нас, отражает драматизм и жестокость процесса, когда княжеские дружинники Путята и Добрыня (по-видимому, родственник Владимира и прототип былинного героя Добрыни Никитича), чтобы заставить новгородцев принять новую веру, подожгли город и перебили значительную часть жителей. Многие другие славянские племена ещё несколько столетий оставались даже формально некрещёными (например, вятичи). А в конце XI века произошло народное восстание в Суздальской земле, вызванное голодом и возглавленное языческими волхвами.

Но даже в тех случаях, когда население внешним образом и по принуждению принимало христианство, разумеется, это принятие носило поверхностный и неглубокий, чисто обрядовый характер, не меняя существенно языческого мироощущения людей. Просто на христианского Бога и святых переносились старые языческие представления, а бы-

лые боги превращались в «бесов». Постановления церковных соборов XVI–XVII веков ярко показывают, как неглубоко «вширь» и «вглубь» продвинулось за семь столетий дело евангелизации и христианизации «святой Руси», по преимуществу остающейся языческой по своему духу. В результате формировался феномен «двоеверия», когда с поверхностным тонким слоем книжной, официальной, городской христианской культуры (связанной с князем, дружиной, монашеством) сочетался и абсолютно преобладал слой народной, по существу языческой, неписанной деревенской культуры. Новые христианские праздники «ставились» на дни старых языческих (Перунов день стал Ильиным днем, как бог-громовержец Перун обратился в Илью-пророка, тоже громовержца), новые христианские святые получали «функции» старых языческих божеств (святой Власий – покровитель скота вместо бога Велеса), почитание икон встало на место языческого идолопоклонства, христианские храмы возводились на месте языческих святынь. Из христианства народная культура постепенно и кое-как усваивала «обрядовое» – внешнюю, сугубо ритуальную сторону. С какими-то проявлениями языческой культуры (скоморошество, поклонение идолам, оргиастические праздники) церковь и власть боролись, с другими были вынуждены мириться. Возникал живой и причудливый сплав языческой и христианской культуры (как и в других европейских странах), в котором язычество играло роль преобладающего, но невысказан-

ного «бессознательного», народного начала, а христианство – роль книжного и официального «сознательного» пласта.

Вспомним шедевр древнерусской литературы – «Слово о полку Игореве». Что это: памятник христианской или языческой культуры? Однозначного ответа нет. С одной стороны, автор молится Богу и деве Марии, использует христианский язык и противопоставляет «крещёную Русь» «поганым» (то есть язычникам) половцам, а с другой стороны, вся поэма пронизана возвышенным и страстным языческим мироощущением, оживотворением сил природы и поклонением им (здесь и обращение к Ветру, и к Днепру, и загадочный «див» (иранское божество)).

И всё же, несмотря на свою длительность и драматизм, процесс христианизации Руси постепенно оказал колоссальное воздействие на всю русскую историю, повлияв на быт, культуру, самосознание, политику, национальные традиции и облегчив для Руси коммуникацию с одними народами мира (православными) и затруднив – с другими (мусульманами, иудеями, католиками и протестантами).

Последствия крещения многообразны и неоднозначны. Среди них: включение Руси в сферу культурного и политического влияния Византии (из Византии на Русь хлынули христианские и античные произведения, приехали священники, иконописцы и зодчие), сплочение народа вокруг единой монотеистической религии, укрепление дипломатических и торговых контактов с европейскими государствами, переме-

ны в быту и морали (церковь смягчала рабство, призывая видеть людей даже в рабах, осуждала многожёнство и кровную месть), смена представлений о судопроизводстве и собственности (церковное право, изложенное в византийском «Номоканоне» («Кормчей книге»)) явилось образцом для формирования светского права). Здесь следует указать и на характерное для Византии обожествление светской власти и её доминирование над церковью (цезарепапизм), впрочем, отчасти смягченное тем, что глава церкви в Киеве – митрополит Руси – был греком, присылался патриархом из Константинополя и потому не зависел напрямую от киевского князя. Здесь и последовавшее вскоре обособление Руси от «латинского» Запада (окончательный раскол православной и католической церковей оформился в 1054 году – через полвека после начала крещения Руси). Пройдя выучку ненависти к «латинской ереси» у византийцев, Русь позднее воспринимала западное христианство и западную культуру, как враждебные.

Помимо Византии огромное влияние на Киевскую Русь оказала Дунайская Болгария, за сто лет до Киева принявшая христианство и получившая письменность (от святых миссионеров Кирилла и Мефодия). Именно Болгария стала тем посредником, через которого на Русь стали проникать византийская книжность и письменные произведения. Центрами христианской культуры на Руси становятся монастыри, и особенно самый влиятельный – Киево-Печёрский монастырь, при котором возникает школа, постоянное летопи-

сание и иконописная мастерская. В Киево-Печёрском монастыре жили и те немногие киевляне, которые сразу и горячо приняли новую религию, стали истовыми монахами-подвижниками благочестия, надолго превратившимися в образцы аскезы и святости (пусть и недостижимые для большинства) и ставшие духовными авторитетами для древнерусского общества.

Говоря о внешней политике Владимира I и Ярослава Мудрого, следует назвать, наряду с укреплением разнообразных (религиозных, культурных, торговых, династических) связей с Византией, Болгарией (Дунайской) и с Западной Европой, традиционное сохранение контактов с викингами (именно их дружины привели обеих князей к власти в Киеве, устранив их соперников). Важнейшим направлением оставались и контакты со «Степью». Сперва воинственные печенеги, а затем – с середины XI века – «половцы» (кипчаки) постоянно тревожили Русь набегами. Владимир повелел выстроить на южных рубежах, в двух днях езды от Киева, сеть крепостей, остановивших неистовый печенежский натиск. Не случайно в былинах именно с именем Владимира связаны «заставы богатырские» и пиры в кампании Ильи Муромца, Добрыни Никитича и других витязей, оборонявших русскую землю от Степи. Ярослав Мудрый окончательно уничтожил печенегов в битве в 1036 году (и в знак великой победы приказал построить знаменитый Софийский собор в Киеве, подражающий, как и Золотые Ворота, аналогичному сооружению в Ца-

рыграде). Впрочем, на место печенегов вскоре пришли Половецкие племена.

Если с именем Владимира прежде всего связано начало крещения Руси и начало чеканки монеты (впрочем, последнее было лишь символическим актом, подчеркивающим независимость киевского государства – реальным средством обмена оставались на Руси серебряные арабские и византийские монеты, а нехватка драгоценных металлов на многие века стала острой проблемой), то с именем его сына Ярослава связывают издание первого писаного закона – «Русской правды». Её часто справедливо сравнивают с аналогичными законами других «варварских королевств» VI–VIII веков в Европе, например, с «Салической правдой» франков, также отразившей ранний этап формирования государственности и сочетавшей обычные нормы права с новыми, писаными и исходящими сверху, от правителя.

Закон этот был издан Ярославом при драматических обстоятельствах. После конфликтов, возникших между новгородцами, поддерживавшими князя в борьбе за овладение Киевом, и его варяжской дружиной (причём в ходе конфликтов было много убитых с обеих сторон) возникла необходимость в юридическом регулировании отношений между «княжескими людьми» и «простыми» свободными общинниками, никак не зависящими от князя и живущими своей жизнью, Ярослав издал закон («Правда Ярослава»), а его дети добавили к нему новые статьи («Правда Ярославичей»).

При этом важно подчеркнуть, что основная масса населения Руси находилась вне княжеской юрисдикции и жила по своим традиционным, общинным, неписанным, правилам и законам. Тогда как «Русская правда» регламентировала прежде всего жизнь людей, тесно связанных с князем и находящихся вне общины, на княжеской службе (военной, гражданской, хозяйственной или административной).

Этот закон носит «переходный» характер, сочетая нормы обычного права и права, искусственно сконструированного и навязанного обществу государством. Так, «Русская правда» допускала кровную месть за убийство родственника, но ограничивала её, во-первых, определяя узкий круг людей, могущих мстить за убитого, и, во-вторых, предлагая в качестве альтернативы денежный выкуп установленного размера – виру – за него. Интересно, что «Русская правда» не предполагала смертной казни или пыток (всё это появится на Руси позже, под влиянием монгольского ига) и допускала судебный поединок («Божий суд») для выяснения правоты спорящих сторон. По закону имущество человека ценилось намного выше самого человека и обеспечивалась его личностью (так, несостоятельный должник передавался в рабство заимодавцу). «Русская правда» также скрупулезно рассматривала все случаи унижения личного достоинства (отсечение пальца или руки, вырывание усов или бороды и т. д.), предполагая за каждое преступление своеобразный денежный «прейскурант», зависящий от социального статуса по-

терпевшего. Так за убийство или отсечение руки или ноги свободного общинника следовало уплатить штраф в 40 гривен; за оскорбление личности – вырывание бороды или усов – 12 гривен; а за отсечение пальца или укрывательство беглого раба – три гривны.

Благодаря «Русской правде» мы знаем немало и о денежной системе древней Руси («куны, гривны, ногаты» – так назывались тогда деньги, причём в этих названиях нередко отражен их ещё натуральный характер («куна» – от шкурки куницы)) и о социальных группах, из которых состояло тогда общество. Верхушку этого общества составляли великий киевский князь, его семья, бояре (приближённые князя или старейшины племен), «старшая» и «младшая» дружина. При этом князь являлся отнюдь не монархом, а лишь военным предводителем, заключавшим с дружиной и боярами договор и постоянно советовавшимся со своим окружением. Особой категорией были княжеские рабы – «холопы», часто привилегированные, поставленные им на административные и военные должности. Так, приказчик княжеского имения именовался «тиуном», и, хотя он и был рабом (но рабом князя!), его жизнь «стоила» особенно много. Из среды княжеских холопов – «дворовых людей», всецело зависящих от его милости – позднее (через три-пять столетий) возникнет русское дворянство. Свои «вотчины» – наследственные земельные территории и хозяйства, передававшиеся от отца к сыну – были и у других князей и бояр. Уже во време-

на Ярослава Мудрого существовало множество разнообразнейших княжеских людей и слуг («челяди»): мечники, ябедники, гридины и другие.

И всё же вотчины князей и бояр, переходящие по наследству и обрабатываемые несвободными людьми, образовывали лишь небольшие «островки» в «море» свободного населения, живущего в общине и платящего князю умеренную дань за военную защиту. Именно эта дань и добыча от торговых караванов и военных грабительских набегов, а не вотчинные хозяйства, были основой существования правящего сословия в Киевской Руси. Применительно к Киевской Руси можно говорить о государстве, как о коллективном собственнике, получавшем со свободного населения дань (мехами, воском, мёдом, продуктами) и перераспределявшего часть его церкви («десятина» – как в западной церкви, одна десятая часть всех доходов государства, по приказу Владимира, шла на содержание церкви).

При этом важно подчеркнуть, что Киевская Русь представляла собой федерацию земель, союзов племён (со своими столицами), городов и территорий, которые считались не личным достоянием великого киевского князя, но родовой собственностью всех, стремительно возрастающих в числе викингов Рюриковичей («русская земля» – земля, подвластная роду варягов-Руси, тогда как понятие «русский народ» отсутствовало, возникнув через полсотни лет). Поэтому и среди членов княжеской семьи великий князь воспринимал-

ся как первый среди равных, его сыновья и братья получали в управление крупные города, а в престолонаследовании действовало (по крайней мере, теоретически), «лествичное право» (от «лестницы-лествицы»). То есть наследование княжеского стола шло не по «вертикали» — от отца к сыну, а по «горизонтали» — от старшего брата к следующим братьям, а, когда все братья умирали, — к старшим детям старшего брата.

Но число членов рода Рюриковичей стремительно росло, старшие племянники часто бывали взрослее своих дядей и не желали ждать своей очереди (ведь можно было и не дожждаться). Поэтому после смерти великого князя вся система приходила в движение, а его родственники пересаживались «со стола на стол», в соответствии с изменившейся ситуацией. Правда, в реальности, по мере дробления Руси и увеличения числа членов рода Рюриковичей, эта система сильно запутывалась, а многие представители княжеского рода не хотели ждать своей очереди, что и вело к многочисленным распрям, войнам и столкновениям (несколько сократившим число князей). Достаточно сказать, что и Владимир I, и Ярослав Мудрый захватывали власть как узурпаторы, не по праву, свергая и убивая старших братьев (а Ярослав вдобавок вступил в борьбу ещё и с живым своим отцом — князем Владимиром, который умер в разгар подготовки к походу против него). Ещё одним важным следствием «лествичного права» было то, что князья не ощущали своего единства с тем

или иным городом и территорией, а смотрели та него, как на временное пристанище, лишь базу для «повышения своего статуса» с «прицелом» на овладение Киевом (так продолжалось до конца XI века).

Переходя к основной массе населения Киевской Руси, следует выделить несколько главных категорий этого населения. Большинство лично свободных общинников, живших своим «миром» (общиной), на основе норм традиционного, обычного права и плативших дань государству, так и называлась «люди» (слово «крестьяне» (от «христиане») возникло лишь спустя четыре века, в эпоху монгольского ига, когда большинство сельского населения Руси и в самом деле стало воспринимать себя «христианами»). Помимо этого были довольно многочисленные «смерды» – полузависимые земледельцы, обслуживающие вотчины бояр и князей.

Многочисленным был и слой рабов – «холопов», среди которых выделялись «рядовичи» и «закупы», то есть неполные рабы, отдавшиеся в рабство на время и на определенных условиях по «ряду» (договору) или за кредит – денежный или продовольственный («кupu»), временно оказавшиеся в зависимости. Их рабство было ограниченным, условным и непостоянным. Наряду с этим были и рабы, взятые в плен на войне или родившиеся от рабов, – их рабство было пожизненным. Категория «холопов» была весьма распространена в Киевской Руси (не зря рабы, наряду с мехами, мёдом и воском, были основной статьёй торговли варяжско-русских

купцов на византийских рынках). Но, разумеется, положение раба простого «людина» и раба князя (который мог дослужиться до тиуна или военного холопа, приближённого к князю и самого владевшего холопами) на практике существенно различалось. Так, за убийство княжеского тиуна или конюшего следовало заплатить по «тарифу», указанному в «Русской правде», 80 гривен, тогда как жизнь смерда и рядовича «стоила» всего пять гривен – в шестнадцать раз меньше! А штраф за убийство свободного «людина» составлял сорок гривен (то есть человек свободный, но не приближенный к князю, «стоил» вдвое меньше, чем раб, но приближенный к князю).

Упоминает «Русская правда» и об «изгоях» или «извергах», – людях, по тем или иным причинам покинувших общину или изгнанных из неё за какие-то серьёзные проступки. Эти люди стояли вне социума и закона и не могли рассчитывать на поддержку общины («верви»). К их числу относились и разорившиеся купцы, и выкупившиеся из рабства холопы, и поповичи, по неграмотности не способные стать священниками. Нередко изгоев брала под своё покровительство церковь. Так, в социальном строе Киевской Руси переплетались элементы родовых, феодальных и рабовладельческих отношений, образуя пёстрый, живой и динамичный организм.

Как нетрудно заметить, общество Киевской Руси делилось на две основные категории: князь и его люди, с одной

стороны, и основная масса населения, – с другой. Социальный статус и способы регулирования их жизни весьма различались. Если князь, его дружинники, воеводы, наместники и бояре воспринимались как правители, администраторы, военачальники и – отчасти – судьи (впрочем, существовало и церковное право и судопроизводство, в ведении которого находились не только священники и монахи и вопросы религии, но и, например, всё семейное право), то наряду и параллельно с ними функционировали сельские и городские общины и обычное право, местное самоуправление.

Городские собрания назывались «вечем», выбирали предводителя городского ополчения («тысячи») – тысяцкого, старейшин («старцев градских»), могли начать восстание, изгнать князя или пригласить другого. В истории Киевской Руси такие события были отнюдь не редкостью. Так, в 1068 году киевляне изгнали князя Изяслава – сына Ярослава Мудрого, обвинив его в поражении в битве с половцами и в отказе раздать оружие киевлянам. Отвергнув князя, вече поддержало нового князя Всеслава (из рода полоцких князей). В 1113 году вече Киева точно также, после народного восстания, вызванного недовольством горожан князем Святополком, покровительствовавшим иудейским торговцам и ростовщикам, закабалившим часть горожан в долговое рабство, пригласило на «стол» популярного князя Владимира Мономаха (в нарушение «лестничного права»).

Вече, тысяцкий, градские старцы контролировали и уравни-

новешивали авторитарные притязания князя (другим противовесом ему были духовенство, бояре, дружинники и собственные родные). Митрополиты (присылаемые из Царьграда) мирили князей и ходатайствовали за впавших у них в немилость. Бояре и дружинники могли оставить князя или отказать ему в повиновении, расторгнув свой договор с ним. Так княжеская дружина сосуществовала с народным ополчением, княжеские законы сосуществовали с обычным правом, чеканившаяся князем монета сочеталась с полунатуральным обменом, внешняя торговля, находившаяся под особым покровительством князя, сосуществовала с натуральным земледельческим хозяйством основной массы населения, а княжеская власть – с народными собраниями.

Таким образом, Киевская Русь конца X–XI веков представляется пёстрым, живым, динамичным, многоукладным социальным образованием (обществом «цветущей сложности», используя выражение русского философа XIX века Константина Леонтьева), типологически очень близким (если не тождественным) тому обществу, которое в то же время существовало в Западной и Центральной Европе. И, подобно тому, как громадная и недолговечная империя Карла Великого и Каролингов сменилась феодальной раздробленностью, точно такие же процессы получили развитие на Руси в конце XI – начале XII веков.

Русь и Византия

Древнерусское государство возникло на дальней периферии культурного и политического влияния Византийской империи (Восточной Римской империи) – в те века наиболее культурно развитой части Европы, наследницы античного мира, оплота восточного христианства (православия). Если красота и великолепие соборов Константинополя потрясали воображение диких славян и норманнов-варягов, если богатства Византии привлекали их, как желанная добыча, то цивилизованным византийцам северные соседи представлялись как первобытные варвары, которых желательно как-нибудь приручить – верой, договором или деньгам. Для варваров-славян (да и варягов) Византия стала тем же, чем для варваров-германцев стал Рим, а для монголов – Китай: источником культурных импульсов и образцом для подражания.

Контакты Руси и Византийской империи были многообразны и многочисленны. Регулярные торговые связи сочетались с грабительскими набегами русских норманнов на Константинополь. Князь Хельги (Олег) в 907 и 911 годах, князь Ингвар (Игорь) в 943–944 годах, князь Святослав в 971 году, князь Ярослав Мудрый (Ярислейв) в 1043 году нападали на империю, стремясь пограбить её земли, получить выкуп, поставить под свой контроль торговые пути, обеспечить

выгодные условия для торговли Киева с Византией. Договоры между «Русью» и «греками», дошедшие до нас благодаря летописи, сочетают в себе как упоминания о выплате контрибуции, так и пункты, оговаривающие право пришельцев с берегов Днепра находиться в Царьграде и условия их пребывания. По ним русские купцы могли входить в Константинополь не более чем по 50 человек, без оружия (они жили в предместье великого города), были обязаны зимой покидать город, но зато имели даровое питание и бесплатную баню за счет имперских властей. Ввозя в Византию воск, мёд, меха и невольников, купцы из киевских земель везли обратно дорогие вина, ткани, оружие.

Не раз русские князья-викинги за деньги предоставляли императорам военную помощь. Так в 910 году войско киевских князей по договоренности с Константинополем напало на персидские земли в Закавказье, а другое войско участвовало в десанте на Крит в составе византийской армии. В 985 году, когда византийское войско высадилось в Италии, оно включало в себя и русскую дружину (из викингов и славян). В 964 году русские, как наёмники греков, сражались в Сицилии против сарацин.

Вся двойственность отношений Руси и Византии ярко проявилась при князе Владимире I, который, с одной стороны, разграбил византийскую крепость в Крыму – Херсонес (Корсунь) и, наряду с другими богатствами, заодно вывез оттуда и мощи почитаемого святого (Климента), а, с дру-

гой стороны, крестил Русь по греческому варианту христианства, женился на византийской принцессе и помог византийскому императору подавить военный мятеж Варды Фоки, направленный против его власти. Таким образом, киевские князья выступали одновременно и в роли учеников (в делах веры и культуры), и в роли младших партнеров и союзников византийских правителей и, одновременно, в роли своенравных и строптивых грабителей, разорявших земли империи.

Позднее в имперской армии постоянно существовал «русский корпус». Многие славяне и варяги в массовом порядке отправлялись в Византию (признанный центр этой части света) как купцы, наёмники и ремесленники, и эта практика была настолько масштабной, что оговаривалась специальными византийско-русскими соглашениями. По остроумному замечанию Б. Кагарлицкого: «одновременно в Константинополе находилось около тысячи русских, которые не были эмигрантами, они были торговцами, религиозными деятелями..., а также, как сейчас принято говорить, гастарбайтерами – ремесленниками и наемными солдатами, планировавшими, накопив денег и знаний, вернуться на родину. Можно даже сказать, что на первых порах они были «лимитчиками», ибо их численность в Царьграде греческой администрацией ограничивалась».

Постепенно от грабительских набегов и военных столкновений, Русь и Византия в своих отношениях всё больше переходили к постоянным торговым, культурным, дипломати-

ческим и религиозным связям. Втягиваясь в сферу политического и культурного влияния Византии, Русь стремительно «цивилизывалась» и «христианизовалась». Из Византии на Русь ехали греческие митрополиты и епископы, зодчие и иконописцы, везли предметы церковной утвари, а также книги античных и христианских авторов. Византия во многом сформировала сознание правящей на Руси элиты, князей и духовенства. В подражание Константинополю в Киеве и Новгороде строятся Софийские соборы, а в Киеве и Владимире – Золотые ворота. В эпоху Ярослава Мудрого Киев стремился во всём подражать Царьграду и старался превзойти его (хотя, разумеется, и безуспешно). Из Византии на Русь проникли основы учёности и книжности, архитектурные и живописные стили и техники, убеждённость в сакральности (священности) власти князя, роскошь двора правителей, традиция ослепления политических противников и ведения политических интриг (ещё спустя столетия Наполеон I называл Александра I «хитрым византийцем») и пышный придворный церемониал. Если суровые викинги, придя править к славянам, дали Киевской Руси княжескую династию, название, военную элиту и внесли в её культуру элементы воинственности, динамизма, авантюризма, рыцарственности и предприимчивости, то византийцы обогатили древнерусскую культуру тысячелетней учёностью, православной религией, фанатичной ненавистью к католическому Западу, а также политическими и правовыми установка-

ми автократии (по-русски – самодержавия).

Очень важен тот факт, что Византия превратилась в «духовную метрополию» Руси именно в тот момент, когда окончательно оформился раскол христианского мира на православный Восток и католический Запад. Очень скоро западные крестоносцы, «по ошибке сбившись с пути в Иерусалим», ворвутся в Константинополь и разорят его. Категорическое неприятие «латинства» (и Запада в целом) и идея самодержавия (вместе с гербом – двуглавым орлом) – вот то двусмысленное наследие, которое гибнущая Византийская империя позднее завещает Московской Руси.

По словам (впрочем, немного преувеличенным) известного русского философа конца XIX века К.Н. Леонтьева, «византийские идеи и чувства сплотили в одно тело полудику Русь». А В.О. Ключевский отмечал: «Вместе с христианством стала проникать на Русь струя новых политических понятий и отношений. На киевского князя пришло духовенство переносило византийское понятие о государе, поставленном от Бога не для внешней только защиты страны, но и для установления и поддержания внутреннего общественного порядка». Впрочем, семена «византизма», посеянные в Киеве в X–XI веках, дали ростки уже в Московии через три – четыре века. Эти идеи (также как и цезарепапизм – подчинение князю духовной власти) медленно, но глубоко проникли в сознание и сохранились и тогда, когда сама Византийская империя в середине XV века пала под ударами

турок-османов.

Рабство и социальная природа Киевской Руси

Из «Русской Правды» и других источников мы узнаём о существовании в Киевской Руси весьма многочисленной категории рабов, которых называли «холопами» или «челядью». Захваченные на войне или при грабительских набегах, а также купленные на невольничьих рынках, рабы были полностью бесправны. Ударивший свободного человека холоп мог по закону быть безнаказанно убит. Холопы не имели права свидетельствовать в суде, а за их убийство хозяин подвергался лишь церковному покаянию (христианство несколько смягчало бремя рабства, но не отменяло его). При этом, разумеется, княжеский или боярский холоп находился в несравненно лучших условиях, чем все остальные и мог, сделав головокружительную «карьеру», стать старостой или тиуном (управляющим имения).

По словам В.О. Ключевского: «Экономическое благосостояние Киевской Руси XI и XII вв. держалось на рабовладении. К половине XII в. рабовладение достигло там громадных размеров. Уже к X–XI вв. челядь составляла главную статью русского вывоза на черноморские и волжско-каспийские рынки... Рабовладение было одним из главнейших предметов, на который обращено внимание древнейшего русского законодательства... Челядь составляла по-видимо-

му, необходимую хозяйственную принадлежность частного землевладения светского и церковного, крупного и мелкого. Отсюда можно заключить, что сама идея о праве собственности на землю, о возможности владеть землею, как всякою другою вещью, вышла из рабовладения, была развитием мысли о праве собственности на холопа... Рабовладельческие понятия и привычки древнерусских землевладельцев стали потом переноситься и на отношения последних к вольным рабочим, к крестьянам... Таким образом экономическое благосостояние и успехи общежития Киевской Руси куплены были ценою порабощения низших классов...»

И в самом деле, бурная коммерциализация жизни Киевской Руси, рост городов и посреднической торговли, развитие товарно-денежных отношений были тесно связаны с ростом рабовладения – одной из важных основ торговли и одним из факторов развития земледелия на боярских и княжеских землях. Рабов продавали на рынках Константинополя, холопы исполняли роль прислуги при дворе князя и бояр, холопы же обрабатывали княжеские и боярские надельные земли. Экономический подъем и взлет городов Киевской Руси (как за много веков до того в Афинах, а через много веков – на юге США) имел оборотной стороной бурное развитие рабства.

Известный современный российский историк И.Я. Фроянов даже выдвигает в своих работах тезис о рабовладельческом характере социального строя Киевской Руси (в пи-

ку марксистской догме о её будто бы «феодальной» природе). Однако большинство историков всё же оспаривают этот тезис, как крайность и односторонность. Они подчеркивают многоукладность древнерусского общества: наличие вольных городов полисного типа, родовых отношений в деревне, рабовладения и товарных отношений. Только их взаимный учет и комплексное осмысление даёт представление о древнерусском обществе. Важен также тот факт, что большинство жителей Киевской Руси всё же были лично свободными «людинами», жили по нормам обычного права (а потому находились вне рассмотрения «Русской Правды» и княжеского суда). В исторической науке преобладает сегодня взгляд на русское государство (представленное княжеским родом и дружиной) как на коллективного собственника русской земли, эксплуатирующего свободное население посредством сбора даней и налогов. А потому характеристика Киевской Руси как только «рабовладельческого» или уж, тем более, только «феодального» общества, разумеется, неправомерна.

III

Русь удельная (XII – первая половина XIII веков)

3.1. «Каждый да держит отчину свою»

Просуществовав как более или менее единое образование полтора века, Киевская Русь в конце XI – начале XII века рассыпается на множество отдельных княжеств и земель. Начинается период «удельной Руси» (то есть Руси, состоящей из ряда автономных образований), подобный периоду «феодальной раздробленности» в Западной Европе IX–XIV веков. Казалось бы, в Киевской державе существовало единство веры, единство княжеского рода, появились общие писанные законы («Русская правда»), чеканка монеты (пусть лишь в целях поддержания престижа)... Что же послужило причиной распада огромного древнерусского государства, каковы были последствия этого процесса и когда он начался?

По поводу последнего вопроса (как, впрочем, и по поводу остальных) мнения историков несколько расходятся. Одни

предлагают считать отправной точкой существования удельной Руси 1054 год – дату смерти Ярослава Мудрого, разделившего страну между пятью сыновьями. Другие считают такой вехой 1125 или 1132 годы – даты смерти соответственно князей Владимира Мономаха и его старшего сына Мстислава Великого – последних правителей, при которых Киевская Русь ненадолго вновь объединилась перед окончательным распадом.

Что касается причин дробления страны, то их можно назвать несколько.

Во-первых, существенным фактором стало угасание внешней – днепровско-черноморской – торговли, которая была основой возникновения и единства Киевской державы.

Половцы, пришедшие в южные степи всерьёз и надолго, существенно затруднили контакты Киева с Византией. Да и сама Византийская империя в это время приходит в упадок и затем надолго гибнет под ударами крестоносцев (и по наущению своих конкурентов – венецианцев). Торговые связи между Европой и Азией, ранее осуществлявшиеся по пути «из варягов в греки», теперь, в эпоху крестовых походов (XI–XII вв.) находят новый, более прямой и короткий путь – через восточное Средиземноморье. Итальянские города (Генуя и Венеция) занимают в европейской торговле место Киева и Константинополя.

Во-вторых, характерное для этой эпохи натуральное хозяйство вело к самообеспечению каждого региона всем

необходимым и делало излишними тесные контакты между ними. Парадоксальным образом, в Киевской Руси внешняя торговля явно доминировала над внутренней. Ведь сама страна возникла на транзитном торговом пути. Бурно развиваясь, отдельные территории и города перестали нуждаться во власти Киева и, соответственно, перестали поддерживать его деньгами и людскими ресурсами.

В-третьих, Киевская Русь изначально была непрочным образованием, распадавшимся и вновь «собиравшимся» при каждой смене князя. Наличие двух противостоящих центров: Киева на юге и Новгорода на севере – также способствовало распаду древнерусского государства.

В-четвертых, несмотря на рост центростремительных тенденций, сохранялась значительная специфика союзов племён восточных славян (в социальных связях, обычаях, быте, языке). И поэтому возникшие на развалинах Киевской Руси удельные княжества нередко по своим границам совпадали с границами старых догосударственных образований и прото-этносов (например, Полоцкое княжество соответствует землям кривичей, Черниговское – землям северян и т. д.).

В-пятых, бояре и дружинники, которые на ранних этапах становления Киевской Руси были заинтересованы в сильной центральной княжеской власти (ибо она давала им добычу в ходе военных набегов и защищала от кочевников) со временем стали переориентироваться на местных князей. Знатные люди получали вотчины, оседали на земле, сменяя пси-

хологию авантюристов-конкистадоров на психологию домохозяев-«крепких хозяйственников». На время (после походов в степь Владимира Мономаха) прекратились и набег половцев. Теперь бояре предпочитали не ехать в далёкий Киев и не посылать туда дань, а ориентироваться на местного князя.

Наконец, шестой, последней по значению, и непосредственной причиной распада Руси была борьба за лидерство между князьями из дома Рюриковичей. Существующее «в теории» «лествичное право» наследования «столов» было громоздким и запутанным. Стремительный рост числа членов княжеского дома, которых надо было обеспечить «уделами», и нежелание многих из них дожидаться своей очереди, привели к ожесточённой борьбе за власть. Военные столкновения, распри, ослепления и насильственные пострижения в монахи соперников (ибо после убийства и канонизации Бориса и Глеба на братоубийство было наложено религиозное табу, а ослепления и пострижения были органической частью византийской политической культуры, быстро усвоенной на Руси), привод на Русь иноземцев (половцев, поляков, венгров) стали обычным делом для Руси конца XI–XII веков. Летописцы и церковные деятели тех лет постоянно с осуждением говорят о «ссорах и которах» между князьями. По словам русского эмигрантского историка середины XX века С.Г. Пушкарёва: «с каждым новым поколением Ярославичей родовые отношения становились все более сложными и запутанными, родственные чувства между различными ветвя-

ми княжеского рода исчезали, некоторые крупные области разделялись на несколько более мелких княжеств, а потому споры и столкновения между князьями, наконец, открытая вооруженная борьба за власть стали хронической болезнью Киевской Руси». Однако, очень важно подчеркнуть, что, по словам В.О. Ключевского: «Местное неслужилое население обыкновенно довольно равнодушно относилось к княжеским распрям. Боролись собственно князья и их дружины, а не земли, не целые областные общества, боролись Мономаховичи с Ольговичами, а не Киевская или Волынская земля с Черниговской». Столкновения небольших княжеских отрядов редко приводили к опустошению земель и к взаимному ожесточению между их жителями. Поэтому, несмотря на княжескую борьбу и политическое разделение Руси, единство населения в это время лишь укреплялось.

Если на первом этапе этой борьбы (во второй половине XI века) все соперники стремились отнять друг у друга Киева и стать «великими князьями», контролирующими всю страну, то затем (по мере ослабления Киева и стремительного подъема региональных центров), наступает признание борющимися сторонами друг за другом определенных постоянных территорий. Теперь князья из временных «находников», стремительно перемещающихся со «стола» на «стол», начинают осознавать себя стабильными правителями определённых земель, желающими лишь укрепить свою власть на этих землях и, по возможности, отхватить кусок земли у своего

соседа.

Современному нам человеку, привыкшему к развитой юридической системе, унификации и регламентации общественной жизни, трудно понять это общество (Русь XII века) – с его принципиальной пестротой, качественным многообразием, динамизмом, постоянной сменой ситуаций, огромной ролью неформальных связей и традиции. Вся жизнь древнерусского общества тогда строилась не на формальной и всеобъемлющей регламентации (как в современном обществе – на Конституции), а на личных связях, прецедентах, разнообразных и меняющихся раскладах сил, множестве различных прав и интересов – взаимодействующих, но никогда не сводимых к «единому знаменателю». Так, не было формальных писанных законов, связывающих князя с его дружиной, но существовали устные договоры верности и службы, причём дружина могла отказать князю в повиновении. Не существовало писанных законов, ограничивающих власть князя, однако вече легко могло указать ему «на дверь», сказав: «пойди, княже, прочь, не хотим тебя» и пригласить другого, сказав: «приди, княже, хотим тебя». Не существовало формальных законов, решающих все вопросы наследования власти на Руси – однако, существовала традиция «лествичного права» (опирающаяся на обычай и общественное мнение), в которую, в свою очередь, вносили поправку решения веча, восстания, военная сила, межкняжеские договоры, позиция бояр. Какой-нибудь «законный»

князь мог быть слаб и непопулярен у веча или дружины и – терять «стол» (особенно, потерпев поражение на войне), а другой – удачливый на войне, любимый в народе, поддержанный боярами, садился на его место. Всё это общество находилось в постоянной динамике, многообразии, борьбе сил. Например, считалось, что решения веча большого города обязательны для его «пригородов» (то есть окрестных городов и территорий), однако на деле они вполне могли и не послушаться его решения, – например, принять к себе на «стол» князя, изгнанного из столичного города или не послать своё ополчение в общее войско. Вехами в борьбе за власть на Руси стали межкняжеские съезды: 1097 года в Любече, 1100 года в Витичеве и 1103 года в Долобске. На них князья делили земли, договаривались о перемириях, обсуждали проекты совместных походов против половцев. Так, в 1097 году на съезде в Любече, устав от кровопролитной и безуспешной борьбы за Киев, переходящий из рук в руки, князья постановили: «Каждый да держит отчину свою». Это решение было призвано прекратить внутренние войны, сохранить за Рюриковичами удерживаемые ими земли и констатировать общий отказ от претензий на Киевское княжение, а также частично ограничить «лествичное право» допущением прямого наследования сыном княжества отца («отчины»). Однако далеко не все эти положения на деле соблюдались. Сразу же после съезда в Любече один из князей захватил и ослепил другого князя. Вновь закипала борьба за

Киев, вновь братья садились на «стол» в обход дядей...

В 1169 году Киев был разгромлен, опустошён и разграблен армией суздальского князя Андрея Боголюбского. Три дня воины, ворвавшиеся в город, грабили и убивали жителей, разоряли храмы и монастыри, забирали из церквей иконы и колокола. Однако, взяв и разорив Киев, Андрей Боголюбский не остался в нем, а вернулся в свои владения. Многозначительное событие, показывающее, что обладание Киевом перестало означать власть над Русью! Значение «матери городов русских» стремительно уменьшалось, и Киевское княжество, многократно опустошённое и утратившее экономическую опору в виде днепровской торговли, пришло в полный упадок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.